

Святитель Феофан Затворник
Начертание христианского нравоучения

О БЛАГОДАТИ ВСЕСВЯТАГО ДУХА

“Яко стропотно ходит с ним в первых, боязнь же и страх наведет на нь. И помучит его в наказании своем: дондеже веру имет души его, и искусит его во оправданиях своих: и паки возвратится прямо к нему, и возвеселит его: и откроет ему тайны своя: аще заблудит, оставит его, и предаст его в руце падения его” (Сир. 4:18—22). Есть много мест в Священном Писании Ветхаго Завета, в которых точно и живо изображается внутреннее состояние членов благодатной Новозаветной Церкви. К лучшим из них относится без сомнения выписанное теперь место, — в котором под именем премудрости можно разуметь действия благодати Всесвятаго Духа, премудро устрояющей спасение каждой души.

Что именно говорится здесь о благодати Св. Духа, руководящей человека ко спасению? — То, что сия благодать, когда вселится в открытую для нея душу, сначала действует в ней более или менее сокровенно, притом, обыкновенно или по большей части, — строго и как бы наказательно. Потом уже, если кто, при всем том, останется верным ей и не престанет искать ея полного озарения, она обращается к нему прямо, начинает действовать на душу его открытым образом, возвеселяет его и возвещает ему тайны свои: напротив, если кто пренебрежет ея внушениями и заблудит, то и она оставляет такого и предаст его взысканной им самим погибели. Чтобы не показаться самопроизвольными в таких мыслях о действиях именно благодати, приводим мнение о сем предмете величайшаго из подвижников. «Благодать, говорит святой Макарий Великий, непрестанно присутствует с человеком (христианином) и еще с младых лет соединившись и укореняся, как бы нечто природное и неотдельное, в сердце его, соделалась с ним как бы одно существо: однако многоразличными образами, по своему произволению, и сообразуясь с пользою, располагает человека» [Бесед. 8, § 2]. «Сия сила благодати Божией, бываемая в человеке и дар Св. Духа, коего верная душа прияти сподобляется, великим трудом, многим ожиданием, долготерпением, искушениями и испытаниями приобретается» [Бесед. 9, § 7]; «с великим долготерпением, премудростию и таинственным ума испытанием, в человеке, уже долгое время в разных случаях подвизавшемся действовать начинает. И тогда уже дело благодати в нем совершенно показуется, когда его воля, по многом искушении, Св. Духу благоугождающею является и чрез долгое время показывает себя в том терпеливою и непоколебимою» [Бесед. 1, § 9], «когда душа ни в чем не оскорбляет Духа, но с благодатию во всех заповедях согласна; тогда она от всех страстей свободно быть удостоится, и полное всыновление Духа приемлет» [Та же Б. § 7]. Сии слова великаго подвижника служат полным перифразом приведеннаго места.

Почему же благодать Св. Духа действует таким образом? Почему с первых минут не излить ей всех утешений на душу, взыскующую Господа, тем более, что сии

испытательные действия ее служат иногда камнем преткновения для неопытной и слабой души?

На это один ответ. Верно нельзя иначе действовать при обращении и исправлении грешника, когда премудрая благодать Божия избирает сей именно, а не другой образ действия. У премудрости Божией как будто неперменным законом поставлено исполнять обетования не тотчас, как даются, но после довольно долгаго и, иногда, претруднаго испытания. Аврааму дано обетование о размножении потомства как звезды небесныя и как песок вскрай моря, но после повелено самое семя обетования принести в жертву давшему обетование. Сны обещали Иосифу славу и возвышение над братьями, но до того времени он терпит мучения, продается в чужую страну и заключается в темницу. Давид помазан на царство еще в юности, но сколько претерпел он обид, гонений и опасностей до получения царскаго венца. Тот же закон испытательнаго медления соблюдает и премудрая благодать, устроая спасение грешной души. Велики благодатныя обетования, но для получения их надобно быть под тяжким крестом.

Впрочем так как Бог, премудрый в действии Своем на тварь, соображается с свойствами самой твари: то, основываясь на понятии о греховном состоянии души, можно дойти до некоторых оснований, объясняющих почему благодать Божия, устроая спасение человека, действует сначала сокровенно и строго. Такое действие благодати необходимо а) по свойству греховнаго сердца, очищаемаго благодатию, б) по главному условию спасения и облагодатствования, в) преимущественно же по целям нравственным.

а) Между обращением и освящением среднее место должно занимать исправление или очищение: ибо иначе кое общение свету ко тьме. Сие очищение бывает более или менее продолжительно, более или менее трудно, смотря по нравственному состоянию приводимаго в предначертанное христианское совершенство; но во всяком случае оно мучительно. Грех вошел в самую глубину существа человеческого, оттуда разветвился в разнообразных наклонностях, привычках, страстях, и, проникнув все существо его, распространился вне и связал его с чувственными вещами узами, столь же почти крепкими, как крепки узы бытия. Как ни осторожно будешь очищать от греха существо, зараженное им, не можешь не причинить боли, подобно тому, как нельзя не причинить боли, когда вынимаешь занозу из живаго тела. Сердце пристращенное к чему-нибудь как бы входит само в предмет пристрастия; отрывая его от предмета, или предмет от него, отрывают как бы часть его самаго. Мучительно исправление: оттого душа и не видит утешений благодати, совершающей сие исправление. «Путь добродетели начинающим любить благочестие кажется жестоким и скучным не потому, что будто он действительно таков, но потому что человек от чрева матерняго живет по воле страстей» [Диодоха § 93].

б) Спасение наше совершено Господом Иисусом Христом, именно Его страданиями и смертию. Ими разрушено средостение, разделявшее человека с Богом, и отверст вход всем благословениям небесным на человеческий род. Крест — основание благодатнаго царства Христова. И каждый человек, чтобы удостоиться обетований сего царства, непременно

должен приобщиться Христовым страдем, не мыслию, но самым делом. Такое приобщение обильно низводит и самую благодать внутрь человека (1 Пет. 4:13—14). Потому можно сказать, что благодать спасающая сама производит в душе человека тугу, скорбь, страх, внутренния терзания, чтобы возведши его на крест (Гал. 6:14; 5:24) и приобщив таким образом Христовым страдем, открыть себе пространнейший вход внутрь и освятить его. «Бог не может иначе облагодетельствовать человека, возжелавшаго быть с Ним, как подвергая его искушениям за истину. Ибо от века и от родов стезя к Нему лежит крестом и смертию. Из того и можно узнать, что Бог печется о человеке, когда Он непрестанно посылает на него печали» [Ис. Сир. Хр. чт. ч. 25, стр. 38—49].

в) Но главным образом благодать Божия попускает скорби и сокрывает свои утешения и свою очевидную помощь, оставляя человека как бы самому себе, для образования и утверждения в нем нравственно-христианского характера, и именно:

1) Для того, чтобы искоренить самонадеянность и вкоренить смиренное упование на Бога. Человек естественный обыкновенно уверен, что имеет довольно совершенств и сил. Это постоянное его чувство, которое день от дня утверждается некоторыми успехами в делах, не духовных. Такое расположение может возникать в нем и тогда, когда он вступает уже в благодатное царство и начинает жизнь духовную. Так как оно поставляет человека в опасное положение — вблизи к решительным падениям; то благодать Божия печется истребить его в начале, и для того или скрывает от человека всякое утешение, или оставляет его без всякой явной помощи с своей стороны, когда возмутится сердце, возстают помыслы и страсти, и все нечистое явится пред его сознание с напоминаниями о прежнем и с требованиями новаго удовлетворения. Здесь-то вполне открывается, что значит человек сам по себе! Он ревностно спешит возстановить внутренний покой, но самым сильным напряжением воли, самым строгим убеждением ума, он не может потушить ни одной страсти, не может посечь ни одного помысла греховнаго. Только уповательное воззвание к Богу утишает внутреннюю бурю страстных помыслов, а вместе показывает человеку, где искать помощи, откуда она приходит, и чем он может быть силен. Повторенный несколько раз такой опыт поселяет глубокое убеждение, что человек сам по себе жалок и беден, и нищ и слеп и наг (Апок. 3:17), что если делал он что доброе, если победил страсть, устоял при искушении, — все это даровано ему было от Бога, в Котором Одном потому и следует искать упокоения. «Научительное отступление благодати, говорит Диодок, приносит душе великую скорбь, унижение и даже умеренное отчаяние, чтоб надлежащим образом унижить ея самолюбие и гордость: впрочем в то же время благодать подает ей и помощь, — только скрытым образом» [Христ. чт. 1827 г. ч. XXVIII § 87 о ведении и дух. разл.]. «Благодать утаевает от ума присутствие свое, и душу как бы нарочно приближает к лютости демонов, дабы она, узнавая мало по малу злость врага своего, с большим страхом и глубоким смирением искала помощи Божией, подобно тому, как мать дитя свое, не хотящее сосать как надобно грудь ея, на короткое время спускает с рук своих, чтобы оно, устрасясь каких нибудь стоящих около безобразных

людей, или зверей, с воплем, боязнию и слезами возвратилось в материнския недра» [Там же § 86].

2) Для того, чтобы не делать насилия свободе. Нет сомнения, что самоисправление должно быть делом свободы, только вспомоществуемой благодатию. Но если бы благодать, открывшись во всей силе с первого раза, никогда неумаляла своего света и не скрывала своего действия от очей души, тогда душа связывалась бы, так сказать, благодатию, и была в некоторой необходимости жить не иначе, как по ее влечениям: ибо душа не может неповиноваться Божественной силе благодати, дающей блаженство. «Благодать, говорит Диодор, у крещаемых сперва утаевает свое присутствие, выжидая произвола души, и как человек совершенно обратится к Господу, тогда неизъяснимым каким-то ощущением открывает сердцу свое присутствие; и опять ожидает движения души, попуская между тем диавольским стрелам достигать до глубокого чувства ея, дабы она с ревностнейшим произволением и смиренным расположением взыскала Бога, дабы свобода наша несовершенно была связана узами благодати» [Христ. чт. 1827 г. ч. XXVIII, § 85 о ведении и дух. различ.].

3) Для того, чтобы испытать или лучше, обезопасить верность души. Душа в настоящем состоянии очень изменчива. На нее решительно положиться ни в чем нельзя. Самыя верныя и надежныя обещания ея не тверды. Потому благодать не вдруг вверяется всецело душе, не вдруг отдает ей все, опасаясь, чтоб она не забылась и пренебрежением дара не погубила себя, утешает ее отчасти, подает явную руку помощи только в редких и опаснейших случаях. Такими посещениями благодати в душе образуется постоянное расположение прибегать в своих нуждах только к благодати Божией, и вместе с тем, чтобы удостоиваться ея помощи и благоволения, постоянная и бдительная заботливость быть верною ей, желать и делать только то, что угодно ей, чего она требует. Долгим деланием в таком роде в душе вкореняется такая верность Божественной благодати, по которой даже и в мысль не допускается что либо оскорбительное для Духа Божия. Что после сего может препятствовать Духу Святому осиять душу всем Своим светом? Ибо можно уже надеяться, что душа не злоупотребит даром. Вообще, что с трудом достается, то дорого ценится и бдительно хранится. Потому то душа “изводится в покой”, когда “проходит уже огонь и воду” (Пс. 65:12).

4.) Наконец для того, чтобы истребить мечтательное тщеславие. Есть, по замечанию подвижников, какая-то непреодолимая сила, обращающая душу на саму себя, на свое достоинство и совершенство. Не доброе только дело, одна порядочная мысль, особенно при виде каких либо недостатков в других людях, возбуждают душу хвалить себя пред собою, мечтать о своих трудах и делах духовных. Всем известна опасность такого надмения. Потому благодать Божия, руководствуя ко спасению души, частым оставлением ея себе самой, старается внушить ей, что и она с теми же недостатками, какие видит в других, что и она еще далека от того совершенства, котораго ищет и которое теперь несправедливо усваивает себе. «Всесвятый Дух, хотя в начале усовершеня дает душе вкусить сладости Божией всем чувством и удовлетворительно, чтобы ум имел точное

познание о конечной награде Богоугодных трудов: впрочем надолго потом скрывает драгоценность сего животворного дара, чтобы, хотя исполним все прочие добродетели, считали себя ни чем, потому что не обрели еще святой любви как бы в навык себе» [Диодох. Хр. чт. 1827 г. XXVIII ч. § 90 о вед. и дух. различ.].

Вообще все действия благодати Св. Духа, очищающая и исправляющая — скорби, поущение падений, искушения, отступления и утешения — направляются к тому, чтобы образовать и укрепить внутренняго человека, возвесть его в состояние освящения, и таким образом соделать невещественным храмом Бога.

Эта общая мысль о тайном первоначальном, и явном — окончательном присутствии благодати в душах верующих раскроется яснее, когда подробнее и частнее вникнем в смысл слов премудраго Сираха.

18 ст.) “Яко стропотно ходит с ним в первых”. Дарованная в крещении, или возстановленная чрез покаяние благодать Св. Духа постоянно присуща душе: ходит с нею во всех путях ея, как друг, блюдет ее, как пестун, печется о благе ея, как мать о покое дитяти. Но самая же сия воспитательная попечительность поставляет ее как бы в необходимость ходить с нею сперва стропотно, то есть, или непрямо, не лицом к лицу, скрытно, неощутительно для самой души, или строго, сурово, с некоторою как бы не любовью. (Первая мысль подтверждается противоположением слов: стропотно ходит словам прямо возвратится, а последняя — последующими за ними словами: боязнь, страх, помучит). Необходимость и цель такого действованія объяснена выше.

“Боязнь же и страх наведет нань”. Вот первое обнаружение в душе действия благодати очищающей! В грешной душе есть какое-то нечувствие, холодность к духовным вещам. Пленяясь и восхищаясь успехами и совершенствами видимыми, она не трогается ничем невидимым. Размышляет или читает о жалком состоянии грешника, о правосудии Божиим, о смерти, о страшном суде, вечных муках, — и все это для нея предметы сторонние, до нея как бы не касающиеся. Такие мысли — спасительные посетители души — держатся иногда несколько времени в уме для интересов познания и потом вытесняются другими приятнейшими, не оставив и следа своего действия в душе. Сердце, не умягченное благодатию, — камень. Все святое или меркнет в нем, или отражается назад, оставляя его холодным по прежнему. Обращающийся грешник живо чувствует такую окаменелость и потому перее всего просит Господа, чтобы избавил его окамененнаго нечувствия и даровал искренния слезы покаяния [Седм. молитва на сон гряд.]. Спасительная благодать в первом действии своем на сердце возставляет и очищает духовное чувство. Теперь вошедшая в себя душа видит конечное разстройство свое, помышляет сделать то или другое для своего исправления; но не находит в себе ни сил, ни даже охоты к делам добрым. При сем естественная мысль — не прешла ли она уже ту черту, из-за которой нет возврата к Богу, не испортила ли она себя до того, что самая сила Божия не может сделать из нея что либо доброе, — такая мысль поражает ее. В смятении она обращается к Богу милосердому, но угрызающая совесть живет представляет ей Бога правосудным, строгим карателем беззаконных. Она протекает всю жизнь свою и не

находит в ней ни одного доброго дела, за которое сочла бы себя достойною воззрения Божия. Бога, выше Котораго нет никого, ничтожная в таком великом мире тварь дерзала оскорблять противлением Его воле всемогущей. За тем ужасы смерти, суда, вечных мук, представление, что все это может постигнуть ее чрез несколько минут — даже теперь, довершают поражение. Страх и трепет приходит на нее и покрывает ее тьма. Душа прикасается в сие время некоторым образом вечных мучений. Благодать, приведшая душу в такое подавляющее состояние, блюдет ее между тем от отчаяния, и, когда трепет произведет свое действие, возводит ее ко кресту, и чрез него вливает в сердце отрадную надежду спасения. Впрочем сей спасительный страх не оставляет потом души во все время исправления: только сначала он есть необходимый содействователь к перелому в греховной болезни, а потом остается в душе как оберегатель от падений, напоминая ей о том, куда ведет грех. Оттого, когда найдет искушение, когда возродится в неочищенном еще сердце сильный порыв к обычным грехам, в боязни и страхе обращается она тогда к Господу, моля Его, чтоб не попустил ее пасть и избавил огня вечнаго. Таким образом благодать наводит на душу спасительный страх за себя во все время исправления, и даже до конца жизни, если душа не успеет взойти до того состояния, в котором страх исчезает в любви. «Когда душа, говорит Диодок, начинает чрез великое внимание очищаться, тогда чувствует, как некое врачевство животворное, страх Божий, как палящий ее в огне безстрастия действием обличений. Потом, очищаясь мало по малу, она достигает совершеннаго очищения, успевая в любви, соразмерно тому, как уменьшается страх, и таким образом приобретает любовь совершенную» [Диодок. Хр. чт. 1827 г. XXVIII ч. § 17].

19) “И помучит его в наказании своем”. То есть, образом руководства своего и воспитания (*παλδεία*), как-то: попусшением искушений, бед, соблазнов, греховных движений испытает человека и откроет его сознанию, что он значит, каково его состояние, как высок он в духовной жизни, как много успел в исправлении себя (*βάσανισσος* от *βάσανος* — камень, на котором узнают доброту золота). Одного попусшения на движение помыслов достаточно к тому. Здесь вполне открывается, что таится на самом дне сердца; потому что помышления исходят из глубины его. Оценив достоинство помыслов, человек ясно узнает, что он и что остается ему делать. Впрочем, как бы ни производила сие благодать, только главная, можно сказать, цель ея руководства состоит в том, чтобы постоянно держать человека в ясном сознании своих немощей.

Или прямее — “помучит его в наказании своем” — образом руководства своего, — тем, то есть, что не вдруг открывает душе весь свой свет и всю силу своего утешения — будет долго держать душу в некоторой скорби или туге (*βάσανισσος*, *adfcio quocunque modo*, поражать-уязвлять). Человек обратившийся носит в уме своем начертание совершенства христианскаго и блаженства от жизни по Христе; с другой стороны Сам Всесвятый Дух, как заключает Диодок, в самом начале усовершеня дает душе вкусить сладости Божией всем чувством и удовлетворительно. Когда благодать на долго потом скрывает от души драгоценность сего дара, тогда она по необходимости скорбит, памятуя о духовной любви,

которая посещала ее, но которой нет теперь в ее чувстве, скорбит, не имея сил возродить в себе тоже восхищение, будто по недостатку совершеннейших подвигов. Отсюда можно изъяснить великие труды, необыкновенные бдения, чрезвычайные посты св. подвижников. Они со слезами ищут какое-то неоцененное сокровище, которое имели, но которого нет теперь. Это высокая тоска по отчизне небесной!

“Дондеже веру имет души его, и искусит его во оправданиих своих” — до тех пор, пока может положиться на душу и сделает ее искусною и опытною во всех путях своих, посредством которых она низводит в нее оправдание; или иначе — до тех пор, пока возбудит в душе веру или доверенность к себе, так, чтобы душа благоговела пред внушениями ея, как пред Божественною святынею, — или пока проведет ее по всем путям своим, которыми душа может усвоить себе оправдание. Вот предел испытательных действий благодати, предел воспитания души, за которым, можно сказать, она достигает уже “в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова!” (Еф. 4:13). У самой благодати есть как бы некоторый чертеж воспитания, (без сомнения видоизменяющийся, смотря по воспитываемым лицам), по которому она не являет открыто лица своего душе, пока не исполнит всего, что нужно для нея, а с другой стороны и для каждой души есть свой термин, только с достижением которого она делается достойною полного вселения благодати. Это, как видно, доверенность к душе со стороны благодати, и вера в благодать со стороны души. Действительно, после такого настроения души нет места сомнению, что она останется навсегда верною внушениям благодати. Таковую-то подвижность души, по манию благодати, преимущественно старается образовать воспитывающий ее Дух, или она-то и составляет в благодатном царстве главное, что должна иметь в себе облагодатствованная душа. «Взыскующий Господа человек пленяет ум в послушание Христово, удостоивается быть един дух с Господом за то, что никогда не оскорбляет Духа Господня» [Сокр. М. В. Бес. 9 § 11]. Бог «Сам Себя вверяет сердцу, когда человек душу и помышления свои посвящает Ему» [Там же Бес. 14 § 3]. Впрочем такой предел для нас мало определен. Точнее объясняет его Ап. Павел. Он говорит: “стремлюся, не достигну ли я?” (Флп. 3:12). Чего? Того, чтобы приобрести Христа (—8), чтобы познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его (—10). Что делает он для сего? “Вменяю вся тщету быти, всех отщетиhsя, вменяю вся уметы быти, чтобы найтись в Нем (Христе) не с своею праведностию” (8—9). Путь к тому, чтобы живо приобщиться Христа есть отвержение всего своего, некоторое самозабвение, совершенное отчуждение от себя. В Иисусе Христе нельзя находиться с чем-нибудь своим. Потому-то Диодох говорит: «когда человек приобретет все добродетели, а наипаче совершенную нестяжательность: тогда благодать озаряет все существо его в глубочайшем каком-то чувстве» [Диодох. Хр. чт. 1827 г. ч. XXVIII. § 85]. Так, кажется, и быть должно. Ибо что такое нестяжательность? Или что бывает в душе, когда является нестяжательность? Дух человеческий по самой природе своей нестяжателен. Он бывает стяжательным от преобладания над ним души и требований телесных. Теперь когда он долговременными трудами и подвигами, при помощи благодати, и душу и тело покорит совершенно себе и, восприяв в себя, как бы

умертвит их движения в себе самом, и таким образом одухотворит всего человека, тогда в нем не должно оставаться и следа стяжательности, но вместе с тем исчезает и всякая препона к полному вселению в него благодати. Потому Диодок говорит: «если кто живя еще умрет чрез труды, такой делается уже вполне жилищем Св. Духа: ибо такой прежде нежели умер, уже воскрес» [Диодок. Хр. чт. 1827 г. § 82]. И так нестяжательность можно почесть пределом очищения души.

20.) “И паки возвратится прямо к нему...” то есть, говоря словами Макария Великаго, «по очищении человека, дело благодати в нем совершенно является — и он приемлет полное усыновление Духа», или — словами Диодоха: «благодать озаряет все существо его в глубочайшем каком-то чувстве и он делается вполне жилищем Св. Духа». А вместе с тем, по обетованию Своему Господь наш Иисус Христос и Бог Отец приходят к нему, и в освященном существе его творят Себе обитель (Ин. 14:23). И на человеке “знаменается свет лица Божия” (Пс. 4:7).

“И возвеселит его. Срящет его, яко мати, и яко жена девства примет и: ухлебнит его хлебом разума, и водою премудрости напоит: и веселие и венец радости, и имя вечно наследит” (Сир. 15:2—6). Выгрался младенец Иоанн в матернем чреве, когда ощутил близость Господа. Радуетя и играет дух наш, когда благодать Духа Св. делает его причастником Божества. Бог наш есть Бог блаженства. Оттого все, кои Его причащаются, исполняются неизъяснимаго восхищения. Святые подвижники, причастившиеся сего блаженства, не находят слов к выражению его. «Иногда, говорит Макарий Великий, свет, сияющий в сердце человека, так всего его внутренно пронзает, что он весь, погружая в сей сладости и приятном чувствии, находится вне себя, ради преизобилующия любве и сокровенных таинств собою созерцаемых» [Бес. 8 § 3]. «Душа пламенеет в сем состоянии, говорит Диодок» [Хр. чт. 1827 г. XXVIII § 13] «и с неизъяснимою какою-то радостию и любовию стремится тогда выдти из тела и отойти ко Господу, и как бы не знать сей временной жизни» [Там же § 91].

21.) “И откроет ему тайны своя”. Какая тайны у благодати? Тайны благодати же, или благодатных действий Духа Святаго на человека. Благодать открывает своему питомцу — а) таинству воплощения, страдания, смерти и воскресения Иисуса Христа. Это Ап. Павел поставляет целию стремлений для христианина (Флп. 3:10), и она без сомнения достигается совершенными, пришедшими в меру возраста исполнения Христова. Быть не может, чтобы Господь не удостоил открыть им Себя во всей полноте, открыть и сердцу, и разумению, которое все в Господе (Еф. 3:16—21). И что здесь невозможнаго, когда Сам Господь живет в сем сердце? б) тайну оправдания или усвоения заслуг Христовых душе, по которому оне считаются ея собственными. Апостол Павел средством к сообщению страданий Христовых поставляет сообразование со смертию Его (Флп. 3:10), а сие сообразование уже совершилось в освященном, как мы видели выше. Тот же Апостол оправдание поставляет следствием освящения: “омыстеся”, говорит он, “освятитеся, оправдистеся, именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего” (1 Кор. 6:11).

А оправданному должно чувствовать приобщение страданиям Господа, которое оправдало его, в) тайну благодатной жизни: — любовь и чрез любовь смирение. Бог есть любовь; потому только приобщившийся Ему имеет любовь и постигает ее. «Ум, говорит Диодох, хотя воспримет все добродетели чрез чувство, совершенствуясь с какою-то мерностью и неизъяснимою стройностию, но духовной любви не может стяжать, если не будет во всей полноте просвещен Св. Духом... Божественная благодать, живописующая человека в подобие Божие, просвещением любви показывает, что образ получил вполне благолепие подобия» [Хр. чт. 1827 г. XXVIII ч. § 89]. «По явлении креста, говорит Макарий Великий о своем озарении, благодать ныне так действует и примиряет вся составы и сердце, что душа от великия радости, яко детище незлобивое является, и человек не осуждает уже более Еллина, или Иудея, или грешника, или вдавагося миру; но внутренний человек вся зрит оком чистым, и радуется о всем мире, и всевозможно желает почтить и любить Еллинов и Иудеев» [Бес. 8, § 6]. Вместе с тем он забывает себя от избыливающей любви к Освятителю Богу. «Я знаю, говорит Диодох, такого человека, который так любит Бога, что не знает о себе, что он значит. Он как бы в любви Божией скрывает свои отличия, из ней получаемая, и себе самому всегда представляется рабом непотребным» [Хр. чт. 1827 г. XXVIII ч. § 13]. «Когда ум, говорит он в другом месте, весьма ощутительно и удовлетворительно озарится святою благодатию; тогда душа имеет смирение как бы естественное. Ибо она будучи питаема Божественною благодатию, уже не может надмеваться тщеславием, хотя бы непрестанно исполняла Господни заповеди, но почитает себя ниже всех: ибо приобщалась Божественной кротости» [Хр. чт. 1827 г. XXVIII ч. § 95]. Что касается до веры и упования, то оне завершаются и даже поглощаются любовью, которая больше их. Диодох, объяснив высокую силу любви присовокупляет: «в ком Бог производит такую любовь, тот бывает во время сего действия выше самой веры, так как он великою любовью уже содержит чтимаго верою в чувстве сердца своего» [Там же — § 91]. Когда Господь в сердце, то и упование достигает конца: еже бо видит кто, что и уповае (Рим. 8:24).

Такия тайны как бы естественно переходят во всякую душу, вполне облагодатствованную. Но нет сомнения, что благодать, по временам, в видениях или восхищениях, открывает душе и другия сокровенности небесныя, как лицу, которое по своим совершенствам достойно того, чтобы видеть их, как оне есть. О сих откровениях говорит Макарий Великий так: «некоторым явилось чрез свет знамение креста и впечатлелось во внутреннем человеке. В иное же время паки молящийся человек, яко в восхищении быв, обретется стоящ в церкви пред Олтарем и принесены были ему три хлеба, аки елеем всквашенные; и чем более он их ял, тем паче они умножались и возрастали. Иным же явилось яко одеяние светлое, какого нет на земли в сем веке, и какого человеческими руками сделати невозможно. Ибо как на гору возшедши Господь со Иоанном и Петром преобразил Свое одеяние и сотворил его блистающим на подобие молнии: таково было и оное одеяние, так что удивился и ужаснулся человек скинувши с себя оное» [Бес. 8. § 3]. «Иногда он будучи яко сын царев, тако уповае на Сына Божия, яко на Отца, и отверзаются ему двери и входит внутрь многих обителей. И чем далее он

входит, то паки отверзаются ему двери от ста обителей до иного ста обителей; и богатеет, и елико более богатеет, толико паки вдаль оныя новейшия являются ему чудесныя откровения. И поверяются ему, яко сыну и наследнику, таковыя вещи, их же человеческими устами и языком изрещи и изобразити не можно» [Бес. 8. § 6].

Впрочем хотя такая высота и достижима для человека, предавшего себя Богу; но постоянно держаться на ней ему невозможно. Сего не может снести человеческая природа. Один святой муж [Леств. стр. 169 прежде изд.] молил Господа: Господи! ослаби ми волны благодати Твоя, иначе умру от полноты блаженства. И Великий Макарий, которому Бог открывал столько таин (можно думать, что откровения, о которых он говорит, даны были ему), полагает, что такое возвышение бывает только по временам. «Если бы чудесныя оныя знаменья, явленныя ныне человеку, и кои он самым опытом видел, всегда с ним находились; то не мог бы он ниже служения слова прияти, ни понести каких либо трудов, ниже слышати что, ниже в нужном случае пещися о себе самом, ни об утрии, а только бы в едином угле сидел восхищен и как бы упоен. Почему совершенный степенъ и не дан человеку» [Бесед. 8 § 4].

22) “Аще заблудит, оставит его и предаст его в руце падения его”. — “Аще заблудит” — если позволит себя обольстить. И по получении (в крещении) или возвращении (в покаянии) дара благодати возникают из сердца многоразличные греховные помыслы: ибо совершенное умиротворение их совершается не вдруг и, можно сказать, уже по освящении. Но в то же время со стороны благодати чрез совесть приходят в волю требования законныя, которыя обыкновенно в первый опыт соблазна бывают сильнее движений порочных, или по крайней мере равносильны им. Если человек обратит всю свою душу к внушениям благодати: то обыкновенно порочный помысл, скорее или медленнее, вытесняется из души, и в ней водворяется покой. Но если он позволит предмету соблазна медлить в душе, сначала может быть для одной только забавы и умственного развлечения (это первый шаг к падению); то вскоре прилагается к нему сердце и поражает страстное движение (это — 2-й); слабая воля, которою обыкло управлять сердце, начинает желать (это — 3-й); между тем голос совести, сначала возбужденный благодатию, все стихает и стихает; является разсудок и под рукою сердца составляет софистическия оправдания; голос совести смолкает; все существо загорело желанием; воля решилаь и тайна внутренняго беззакония совершена (это — 4-й). За этим естественно последует и самое действие (это — 5-й). Человек позволил себя обольстить и пал [См. Хр. чт. 1827, XXVII ч. Фил. Син. о трезв. § 34, 35]. Гораздо удобнее совершается второе падение, тем удобнее третье; и чем более повторяется падение, тем более грех опять сродняется с душею, наконец вселяется в нее и наполняет ее всю. Тяжелый камень, брошенный по скату пропасти, не остановится, пока не достигнет дна ея. Растреленная душа, как ветхий мех новаго вина, неспособна уже вмещать в себе благодать, и она отходит от нея. “Аще заблудит, оставит его, и предаст его в руце падения его”. Грешник теряет свободу. Невольник у греха, он повинуется ему во всем, как животное инстинкту. Тьма ослепила ему очи, и он не видит, куда идет, не видит своей пагубы. Наконец, как глаз

света, иная душа снова потребует света благодатного. Адом становится ей жизнь во грехе. Воспламенясь ревностию, она опять входит в чин истинных чад Церкви, по духу и жизни. Но иная душа снова падает, и снова встает; несколько раз падает и несколько раз встает. Между тем чувство ея все более и более немеет, грубеет, жестеет, тем менее, след., становится способным воспринимать возбуждения и ощущать свое положение. Для иной души возможно окончательное падение — в отчаяние, после которого нет возстановления, нет возможности обновляться покаянием. Тогда благодать навсегда оставляет его в руке падения его.

Так многопопечительна благодать, так многотрудно исправление, так обильны и высоки обетования благодатныя, так опасно падение и особенно повторительное! Не можем лучше заключить нашего разсмотрения, как словами Макария Великаго:

«Возлюбленно по истине есть сие, когда душа всю себя Господу посвящая, и к Нему Единому прилепляясь, и в Его заповедях непорочно жительствуя, и находящий и осеняющий Дух Христов благоговейно почитая, удостоится с Ним быти единым духом и единым составом, как говорит Апостол: “прилепляйся Господеву един дух есть с Господем” (1 Кор. 6:17). Если же кто вдает себя в попечения, или в славу, или властолюбие, или суетится о снискании человеческих честей, и ежели его душа прилепляется и примешивается земным помышлениям, или пленяется киими либо вещами мира сего, и о снискании оных печется; то таковая душа избежать, удалиться и прогнать тьму страстей, в которой держится лукавыми начальствами, никак не может; потому что она любит и творит волю темнаго начальника, и не гнушается злых начинаний. Потщимся убо всею душею и всею мыслию приступити ко Господу, и быти последователями Христовыми; да явимся чрез то достойными вечнаго царствия, и сподобимся небесных благ, славя Отца и Сына и Св. Духа во вся веки» [Бесед. 9 § 12, 13].